

УДК 930 (497.2)

Э. Дроснева

ТРОПИНКИ ИСТОРИОГРАФИИ В БОЛГАРИИ¹

Это краткий вариант обобщения идей и наблюдений автора за состоянием Историографии в Болгарии и тенденциями ее развития с 1762 г. и по сегодняшний день. Руководствуясь своим пониманием сущности Историографии, автор ведет речь об исследованиях, публикациях, жанрах, институтах, проблемах образования, но, прежде всего, о людях, создававших эту науку.

Ключевые слова: Болгария, Историография, жанры, институты, университет, Мария Велева

Для начала следовало бы уточнить, что я понимаю под Историографией. В смысле отдельной исторической науки, Историография является уникальной наукой, изучающей историю исторического познания, а не только одной исторической науки. Такое понимание расширяет круг историографических источников и круг проблем историографических исследований [5; 6; 7; 8; 9].

В Болгарии, в частности в ее исторической науке, а также и в науке историографии, совершенно обосновано считается, что если не все, то многое начинается с Паисия Хилендарского и его «Истории Славяноболгарской» (1762). Это вполне относится и к первым историографическим шагам. Науки историографии как таковой еще не было, до ее зарождения оставался почти век, но впервые в болгарское Новое время появились комментарии о состоянии исследований, достижениях и пробелах предшественников. Вот почему мои наблюдения над «болгарскими тропинками Историографии» охватывают примерно 250 лет. А Паисиевское прозрение – начать рассказ с комментариев существующих источников и литературы – является актуальным подходом и сегодня. Любое исследование прошлого начинается с таких

¹ При редактировании статьи сохранен авторский стиль изложения материала.

комментариев. Иное дело, что, к сожалению, и сегодня многие историки не в состоянии отличить этих комментариев (часто они более библиографического, чем историографического характера) от собственно науки Историографии.

Эта первая линия тропинок жива и поныне и назову ее «Сообщения об исследованиях и публикациях». В качестве жанров к ней относятся: заметки, комментарии, отзывы, рефераты, сообщения о новых книгах и статьях, научных форумах и институциях, рецензии и т.п. Болгарский XIX в. еще до Освобождения (1878) характеризуется уже более пространными историографическими обзорами в авторских монографиях Василия Априлова, Спиридона Палаузова, Марина Дринова и др., да еще и в газетных и журнальных публикациях.

Еще до Освобождения пошла и вторая линия – переводы исторических сочинений с разных языков, в основном с русского, чешского и сербского, да и остальных славянских; порой с греческого и некоторых западноевропейских. Линия жива-здоровая и поныне, и в разные времена и по разным причинам меняется только акцент на ту или же иную национальную историческую литературу. Выбор языков оригиналов и конкретных сочинений, на мой взгляд, является отличным историческим и историографическим источником для исследования языковой культуры и предпочтений болгарских авторов к тематике и методологии европейских историков.

В плане переводов стоит отметить хотя бы некоторые факты:

1. Первый связан с воспитанником Одессы Ботьо Петковым (отцом Христо Ботева). Как показала болгарская исследовательница Лиляна Минкова, калоферский учитель переводил Венелинское сочинение «Критические исследования о болгарской истории» в сотрудничестве с цензором русского издания книги Е. Голубинским, от которого получил и части, запрещенные русской церковной цензурой и включил их в свой перевод. Таким образом, болгарское издание (1853) является ближе нежели российское к оригинальному тексту Ю. И. Венелина.

2. В тоже время интенсивно переводил Венелина Иван Добровский, создатель второго болгарского журнала «Мирозрение», где и утвердилась традиция публиковать переводы исторической литературы в периодической печати, которая была заложена Константином Фотиновым.

3. До Освобождения, но особенно после него, болгары в Болгарии интенсивно переводили и публиковали все новые «модные тексты» европейской исторической науки – типа работы Иполита Тэна – и таким путем (не единственным!) и проникали сюда идеи позитивизма, а также и романтизма, и исторического материализма (марксизма).

4. В 90-е гг. XX в. интенсивно переводили труды таких известных авторов как Арнольд Тойнби, Марк Блок, Жорж Лефевр, Жак Ле Гофф, Джеймс Фрэйзер, Фернан Бродель и т.п., что было отличным начинанием. Но “отличным” нельзя назвать установку, которая часто давалась во введениях к этим изданиям – «Это и есть панацея для понимания прошлого!» (Несколько ранее „панакеей” считали идеи советского литературоведа, болгарина Георгия Гачева).

Следующий историографический жанр – персоналия – появился в болгарской науке еще до Освобождения, благодаря Сп. Палаузову. По мере кончины своих учителей и знакомых он написал четыре некролога, а по сути историографических наблюдения: о В. Е. Априловом, Ф. Я. Фалмерайре, Д. И. Зубрицком и Й. В. Цинкайзеном [18, с. 42–44, с. 692–730]. У Палаузова была профессиональная подготовка, чем и отличаются его работы от очень хорошего и очень популярного в Болгарии очерка Н. Хр. Палаузова о Юрии Венелине [17]. Двух Палаузовых следовало бы отметить и по другому поводу – болгары стали создавать историографические, или же близкие к историографическим, очерки об иностранных ученых, исследующих болгарское прошлое и настоящее. Что можно считать одновременно новым жанром и новой линией историографических изысканий. Развитие историографических наблюдений по линии жанра и иностранной болгаристики и вообще науки продолжается и сегодня, опять-таки нерегулярно по времени и по показателю качества.

Стоит специально напомнить также об одной из ранних студий будущего академика Ивана Шишманова (жизнь и творчество которого долгие годы исследовал литературовед Георги Димов, а в последнее время и культуролог Румяна Конева). Этой студией 26-летнего Шишманова открывалось любимое его детище «Сборник за народни умотворения, наука и книжнина» (Министерский сборник). Названа эта работа так: «Значение и задачи на нашата етнография». По моему мнению, именно здесь впервые в Болгарии

фиксируется еще один жанр Историографии – историографическое обозрение существующей литературы по теме. Обозрение Шишмановым этнографических исследований по всей Европе достаточно полно и корректно, хотя некоторые оценки, особенно в отношении болгарских авторов периода Возрождения, сегодня трудно принять. Главное, что появился новый жанр, который, впрочем, в последующие десятилетия развивался с сомнительным постоянством и успехом.

В области болгаристики, культуры Национального Возрождения и типологических особенностей эпохи Шишманов продолжал до конца жизни публиковать новонайденные им источники и обширные биографические сведения, собирая между тем также и воспоминания современников, в том числе по истории науки. Эти линии продолжают и поныне, хотя у многих историков наблюдается недоверие к мемуарам. На мой взгляд такое недоверие вызвано с тем, что историку все еще как-то непривычно применять свои собственно исторические методы к воспоминаниям, а методы других наук в среде историков приживаются трудно.

В середине 70-х гг. XX в. историограф М. Велева осуществила продолжительные беседы с проф. д-р Христо Гандевым [3], в результате чего зародился жанр интервью историографа с историком, который и сегодня продолжает развиваться благодаря ее ученикам и уже их учеников. В ходе одного такого интервью было упомянуто имя П. М. Бицилли, о котором на сегодняшний день имеется значительная по объему и замечательная по качеству литература. В 1990-е годы, после долгих уговоров со стороны М. Велевой, болгарские историки наконец начали писать и издавать свои воспоминания. Появилось книг десять, не говоря о статьях. Короче, жанр воспоминания историков об историках и о своем времени наконец, как мне кажется, укоренился в Болгарии, после начала положенного Палаузовыми и творцами послеосвобожденского времени.

Тогда же, во второй половине прошлого столетия М. Велева ввела еще один новый жанр – исследование главных европейских идейных течений Нового времени и их проявления в болгарской исторической науке [4, с. 47–158, 199–235, 285–384].

Существенным рубежом в развитии науки Историографии в Болгарии стало создание Софийского университета (1888 г.).

Анализируя деятельность Болгарского литературного общества (БКД, 1869, Браила, сегодня БАН; председателем долгие годы был харьковский профессор, болгарин Марин Дринов) и содержание его «ученых записок» (Периодическо списание, сегодня Списание на БАН; первый номер – Браила, 1870), а также другие публикации его членов, приходится констатировать, что в отношении Историографии было сделано не так много. Да Общество переживало свои тяжелые кризисы до и после Освобождения, Высшие педагогические курсы переживали сложный процесс становления, долго «искали» себя. Следует заметить, что сотрудники Высшего училища (сегодня Софийский университет им. Св. Климента Охридского) являлись одновременно и сотрудниками БКД; а первое поколение их обучалось или же стажировалось в лучших центрах гуманитаристики практически по всей Европе [12; 11].

Новым историографическим явлением можно считать вступительные лекции доцентов в Высшем училище/Университете. В. Н. Златарский поставил в основу своего выступления (1895) методологические проблемы, что является следующей линией в развитии Историографии в Болгарии. Историографический курс он прочитал впервые в конце XIX в., а в 1907 г. переработал его, чем и наметил новую, чрезвычайно важную линию развития историографических исследований, вернее две: 1. Концепция историографической науки. 2. Введение Историографии в процесс обучения студентов-историков. Сам воспитаник Санкт-Петербургского университета, Златарский опубликовал и несколько работ по истории болгарской исторической науки [16; 4, с. 23-34; 11].

Первая линия Златарского начинания дала хорошие плоды. Петр Ников посвятил свою вступительную лекцию (1920) истории исторического познания с древнейших времен по свое время. Во многих отношениях она имеет скорее библиографический, нежели историографический характер: «прабабушка» Историографии – Библиография – дала о себе знать. Тем не менее, в лекции имеются очень интересные собственно историографические оценки, как отмечено в исследованиях Лизбет Любеновой и некоторых других болгарских ученых. Вступительная лекция Петра Мутафчиева носила скорее методологический характер: молодой доцент интересовался больше философскими проблемами

взаимоотношений между европейскими Востоком и Западом в Средние века, чем этапами развития исторического познания. После Второй мировой войны традиция вступительных лекций была прервана, а отдельные подобные примеры 1990-х годов весьма редки.

Вторая линия Златарского – исследовать историю исторической науки и читать студентам соответствующие лекции по Историографии – также развивалась, развивается и до сих пор, однако, с переменным успехом. Его давно готовый к печати лекционный курс (был подготовлен М. Велевой в конце 1970-х годов) не издан до сих пор. Он посвящен болгарской исторической литературе периода Возрождения. Как и многие другие исследователи того времени, он считал, что в средние века болгарские авторы скорее переводили и компилировали, чем создавали оригинальные исторические сочинения. Тем не менее, Златарский изучал и «Историкии» Константина Преславского, и «Именник болгарских владетелей», опубликовав его второй список, о котором сообщал первооткрыватель памятника А. Н. Попов.

Точку зрения Златарского долгие годы разделяли практические все болгарские медиевисты, пока Иван Дуйчем в 1930-е годы не высказал свои сомнения в ее правоте и обоснованности [13]. В последующие десятилетия взгляд «старых» медиевистов болгары пересмотрели и появились книги Милианы Каймакамовой, в которых по-новому было раскрыто болгарское историческое познание периода средних веков.

Но хотя бы еще один вклад Златарского в развитие Историографии в Болгарии стоит подчеркнуть. Болгарское историческое познание он рассматривал в тесной связи с достижениями зарубежных историков. По его стопам пошли все, кто в какой-то мере касались историографической науки – и П. Ников, и Йордан Трифонов, и П. Мутафчиев, да и следующая генерация. Уже после Второй мировой войны этот подход утвердили Александр Бурмов [1; 4, с. 35–46; 14, с. 105–118], Горан Тодоров, Петър Тодоров и особенно Мария Велева и ее ученики [4; 12; 11; 19]. Во всех случаях пристальное внимание уделялось двум направлениям исследований: в области теории и практики исторической науки, а также истории Болгаристики. В рамках второго направления в 70-е годы XX в. историками

были защищены две кандидатские (по нынешнему болгарскому законодательству – докторские) диссертации, Дмитрием Цаневым и Элкой Дросневой, а в начале XXI в. еще одна.

После всяких послевоенных перипетий (следует упомянуть Первое национальное совещание историков в 1948 г. и последствия его решений), в конце 1950-х годов новые поколения историков обратились к своим предшественникам не с преобладанием идеологического мышления, а на собственно научных основаниях. Вскоре была восстановлена еще одна линия развития науки Историографии, не очень развитая впрочем до войны: создание юбилейных сборников. Если в более ранний период были изданы сборники о жизни и творчестве М. Дринова, В. Н. Златарского, П. Никова и Ив. Д. Шишманова (и это почти все), то с 1960 г. до наших дней их трудно сосчитать. Все началось опять-таки с исследований о Дринове. Замечу, что в то время С. Н. Палаузова достаточно плохо знали, и еще меньше изучали. Вернули его в науку и жизнь в начале 1970-х годов. Между тем, Дринов уже являлся каким-то «идолом» – до Октябрьской революции, слава Богу, не дожил, да и его не очень ругали в качестве «буржуазного» историка и государственного деятеля, тем более, что Дринов не был приближен ни к Стамболову, ни к князьям Александру Батенбергу и Фердинанду (чем и выгодно вписывался в идеологические рамки того времени). Дринов оказался, если можно так сказать, «удобный» конъюнктуре 1950-х – начала 1960-х гг. Благодаря этому подчеркивалась связь Болгарии с Советским Союзом, хотя учился и трудился Марин Дринов в царской России... Между прочим, из этого сборника [14] и из других материалов хорошо видно, как болгарские ученые сумели отлично воспользоваться, в хорошем смысле слова, конъюнктурой и создавать науку. Впрочем, уже именно тогда начало складываться понимание Палаузова как первого современного болгарского историка, хотя эту тему тогда еще особо и не разрабатывали.

Как правило, сборникам предшествовали конференции, симпозиумы, сессии, семинары, празднования юбилеев, а за ними следовали презентации, сообщения в научной печати и в некоторых газетах и журналах общего характера, или же по радио и телевидению, а в последние годы и по интернету. С конца 1990-х годов количество этих сборников неимоверно возросло – коллеги любят посвящать исследования своим друзьям и сослуживцам на

поприще исторической науки. Иной вопрос, сколько собственно историографических работ можно найти в них, но факт в том, что начальная база для будущей истории исторической науки создавалась и продолжает таким образом создаваться, тем более что в любом из сборников имеется биография и библиография юбиляра. Первая общая био-библиография болгарских историков появилась лишь в символическом для Болгарии 1981 г. [21], хотя некоторые материалы об историках стали публиковаться еще в первых болгарских энциклопедиях и справочниках, что продолжается и сегодня. Что же касается истории остальных видов исторического познания, то их историографическое изучение только началось [10].

Поскольку Историография является наукой комплекса исторических наук, ей в первую очередь нужны разнообразные историографические источники. Во втором десятилетии XX в. В. Н. Златарский стал переиздавать сочинения Марина Дринова и Константина Иречека вскоре после смерти обоих ученых, с которыми давно дружил и сотрудничал. Эта историографическая линия продолжается до сих пор и является отрадным явлением на фоне прочих историографических изысканий. Особенно интенсивно она развивалась с 1970-х годов, после реабилитации видных (но «буржуазных») наших ученых. Хорошая серия «Българско историческо наследство» издательства «Наука и изкуство» однако осталась неполной, незаконченной, а события конца 1980-х годов привели к ее прекращению. Но, что важнее, собрания сочинений наших „классиков и современников” продолжают издаваться.

Говоря об источниках, надо хоть упомянуть, что начиная с Дринова [11], болгарские ученые стали заботиться о личных архивах и библиотеках своих предшественников. Сегодня основная их часть хранится в центральных архивах и библиотеках, как в академических, так и университетских, в некоторых региональных музеях и центрах. Первое поколение университетских ученых, работая по своей тематике в личных архивах авторов XIX в., вовремя учло как важно сохранить на будущее свои архивы, библиотеки, личные вещи, а сами эти институты стали создаваться еще при министрах М. Дринове и К. Иречеке, на базе опыта периода Возрождения и приобретенного в процессе обучения в заграничных университетах.

Первые институты, которые имели отношение и к науке Историографии, создавались еще до Освобождения, иначе говоря

являлись плодом личных и общественных инициатив. Эта линия практически никогда не прерывалась, даже в смутное время первых послевоенных лет. Таким образом постепенно оформился круг институций, заботившихся о развитии исторической науки, а попутно затрагивавших и историографию. Очень популярные сегодня неправительственные организации, со всеми их претензиями и мнением о том, что в последние годы Восток заимствовал эту модель у Запада, на самом деле такого рода организации опираются на очень давние традиции и в самой Болгарии. Помимо государственных структур (университетов, академий, библиотек, архивов, музеев) в XX веке, и особенно теперь, появилось немало и частных.

Стоит однако специально напомнить о Болгарском историческом обществе (БИД). Его длинные и далеко не всегда лучезарные пути полностью еще неисследованы. Здесь упомяну только несколько важных моментов, имеющих прямое отношение к Историографии. В первую очередь – его роль в повышенном внимании к историографическим аспектам. Так, по инициативе общества, в 1972 г. состоялась международная конференция по проблемам болгарской исторической науки после Второй мировой войны [20]. В начале 1980-х годов в рамках Общества была создана Комисия по Историографии во главе с М. Велевой, которая проводила ежемесячные семинары, национальные и международные конференции по истории и теории исторической науки, а соответствующие материалы публиковались в изданиях Общества. Впрочем, и ранее Общество инициировало конференции, посвященные жизни и творчеству историков и было очень активным: проводило свои конгрессы с участием специалистов разных стран, и стало соорганизатором международных конгрессов болгаристики и прочих международных форумов, издавало историографические источники.

Несмотря на это, или же в связи с этим, различные периоды исследованы весьма неравномерно, о многих ученых исследований и вовсе нет, так что болгарская историография достаточно далека от написания общей истории болгарского исторического познания и даже только истории исторической науки. Причины такого состояния, мягко говоря, многочисленны и очень разнообразны.

Хотя Университетской историографии в Болгарии без малого 125 лет, но и сегодня ее положение и отношение к ней выглядят не лучшим образом. Многие болгарские ученые считают ее наукой

надуманной и ненужной, ибо любой историк начинает свои исследования, да и университетские лекции, если читает таковые, с источников и литературы и незачем, по их мнению, смотреть на Историографию как на отдельную науку. Это сказывается на университетском образовании, а, значит, и на школьном. История является единственным предметом, в рамках которого ученики даже средней школы ничего не слышат и не узнают о развитии исторической науки и ее представителях. Результаты печальные, поскольку у них складывается впечатление, что история даже и не наука, а какой-то очередной механизм обслуживания государственных и, что еще хуже, партийных интересов. Под «историком», таким образом, подразумевают скорее любого человека, кто так или иначе занимается прошлым. А прошлым, как известно, кто только не занимается!

В университетском образовании положение еще хуже. Как уже отмечалось, курс Историографии до Второй мировой войны в Софийском университете читался редко и весьма нерегулярно. После войны, после очередной битвы между чиновниками и учеными, А. Бурмов начал читать весьма интересный курс [4, с. 35–46; 1], увы тексты лекций не сохранились, да, к тому же, он прервался в связи с его смертью. Пару лет историографию читал Г. Тодоров, а потом опять перерыв. Наконец, с 1968 г. М. Велева стабилизировала его чтение, и этот курс существует и сегодня. Первый аспирант на очном отделении появился только в 1976 г., после долгих «сражений» Велевой с коллегией. С тех пор защитилось около десяти человек. И вплоть до недавнего времени велся бессмысленный спор о том, объявлять или же не объявлять специальную аспирантуру по Историографии. Четыре нынешних доктора истории защитились по этой специальности после самостоятельной подготовки, но только один из них продолжает разрабатывать историографические проблемы. Ситуация усугубляется тем, что в Софийском университете, три года назад, прекратили семинарские занятия по данному курсу, да и десятилетиями упорно отказывают объявить ассистентский конкурс. Между тем, все университеты в Болгарии смотрят именно на практику Софийского университета и повторяют ее. Еще в 1990-е годы было отказано в открытии магистерской программы по Историографии [7; 15, 363–408], также как в 1970-е отказались читать специальный курс теоретического источниковедения. И в

других университетах Болгарии лишь некоторые из защитившихся по Историографии продолжают работать на этом поле. В государственных университетах в Пловдиве, Благоевграде, Шумене и в частных университетах в Варне и Софии в 1990-е годы, вместо того, чтобы подготовить молодых людей, которые занялись бы соответствующими исследованиями и преподаванием, курсы Историографии доверялись «своим людям», у которых специальной подготовки не было, а аспирантура по данной специальности так и не появилась.

Из преподающих ныне в болгарских университетах Историографию только трое защищались по Историографии и все они доценты (Э. Дроснева и Т. Попнеделев в Софии, Н. Проданов в Тырнове и Шумене, а Петър Пырванов, занимаясь историографией, преподает экономическую и хозяйственную историю на хозяйственном факультете в Благоевграде). Таким образом, после первой историографической монографии, написанной историографом [2], появились очень немногие книги историографов, в отличие от многочисленности историографических статей, а обучение студентов страдает больше, чем допустимо. Не говоря о том, что время от времени идут разговоры, что Историографию лучше вообще убрать из учебного плана, или же преподавать только мировую, представления о которой достаточно «сомнительны» и весьма странные. И хотя давно и не единожды историографы объясняли, что такое Историография, как ведутся занятия в Софийском и иностранных университетах и как нужно вести обучение [20, с. 115–123; 4, с. 11–22; 5; 6; 7], толку от этого мало, а порою складывается впечатление, что и вовсе нет. Многочисленные наши дипломники, написавшие отличные работы, дальше историографией не занимаются из-за всего этого состояния. Продолжают отлично работать в Институте исторических исследований, в том числе по проблемам историографии, Любомила Соленкова и Димитър Христов. Между прочим, одно время в этом институте была Проблемная группа историографии и методологии, которой давно нет, но в этом вряд ли стоит винить только перемены конца 1980-х годов.

Все это, увы, тоже тропинки, хотя и не всегда веселые, науки Историографии в Болгарии. Достаточно сказать, что если в нынешней Болгарии работают в университетах и институтах

БАН примерно 350 историков, только шестеро в университетах и трое в БАН получили специализированную подготовку в области Историографии, да далеко не все они продолжают разрабатывать ее и заниматься ею.

Приходится констатировать, что в отношении Историографии болгарская историческая наука, развивающаяся в целом достаточно успешно, не располагает путями и дорогами, не говоря о магистралях. А тропинки, как известно, создаются людьми, бывают узкими и часто прерываются неожиданными обстоятельствами, человеческими и общественными «капризами». Нельзя развивать историографию без людей, т.е. без специалистов и без заботы о выращивании следующего поколения и о его реализации. Всегда утверждала, что когда в данной национальной исторической науке Историография отсутствует, или же вынуждена развиваться весьма символически, это говорит не в пользу научного сообщества, ибо свидетельствует о состоянии самосознания историков: нет понимания значимости их науки в комплексе наук и в общественной жизни. А кому иному, как не им, объяснять людям, что такое Наука История и кто такой Историк? Да и если у историков нет профессионального самосознания, как же можно ожидать, что общество оценит важную миссию Истории и историков в своей жизни?

1. *Велева М. Александър Бурмов. – С., 1988. – 176 с.*
2. *Велева М. Димитър Страшимиров. Историографски очерк. – С., 1972. – 203 с.*
3. *Велева М. Историкът и историята. (Разговор с проф. Хр. Гандев по случай 70 години от рождението му) // Векове. – 1978. – № 3. – С. 78–82.*
4. *Велева М. Как се пише история. Историографски студии. – С., 2013. 543 с.*
5. *Дроснева Е. Аспекти на историографската оценка (Варна, юни 1991) // История. – 1993. – № 4. – С. 21–29.*
6. *Дроснева Е. ”За” и ”Против” историографията като наука и университетска дисциплина // История, общество, философия. – 1991. – № 6. – С. 105–109.*

7. Дроснева Е. Четенията по Историография в Софийския университет (1986-2006) // Университетски четения и изследвания по българска история: IV международен семинар Смолян (11–13 май 2006 г.). – С., 2008. – С. 784–800.
8. Дроснева Е. Историческото слово в преходните времена // Общества в преход – теория и практика : сборник доклади от V-та международна научна конференция (Велико Търново 2000 г.). [В. Търново, 2000]. – С. 83–95.
9. Дроснева Е. Устно, ръкописно и печатно слово в българския XVIII век // Исторически студии [Т. 4] Границата в историята. – С., 1999. – С. 90–101.
10. Дроснева Е. Фолклор. Библия. История (Към 230 годишнината на История славянобългарска). – С., 1995. – 256 с. [2 изд. 2002. – 331 с.].
11. Дроснева Э. Санктпетербургские вехи болгаро-российского общения историков XIX–XXI вв. // Клио (СПб). – 2013. – № 12. – С. 132–135.
12. Дроснева Е. Срезневски, българите и България през 170 години // Дриновський збірник / Дриновски сборник. Харков–София, 2013. – Т. 6. – С. 92 – 124.
13. Дуйчев И. Преглед на българската историография // Jugoslovenski istoriski casopis. – 1938. IV. – № 1–2. – Р. 40–74.
14. Изследвания в чест на Марин Дринов. – С., 1960. – 650 с.
15. История и историография. Сборник в чест на проф. д-р Мария Велева. – С., 2008. – 416 с.
16. Лекционни курсове на проф. Васил Златарски. – С., 1999. – Т. 1. – 537 с.
17. Палаузов Н. Х. Жизнеописание на Юрия Ивановича Венелина. – Одесса, 1851. – 32 с.
18. Палаузов С. Избрани трудове. – С., 1977. – Т. 2. – 830 с.
19. Попнеделев Т. Списание «Исторически преглед» (1945–1948). Към марксисткото преустройство на историческата наука в България. – С., 2006. – 281 с.
20. Проблеми на българската историография след Втората световна война. – С., 1973. – 701 с.
21. Чолов П. Български историци. Биографично-библиографски справочник. – С., 1981. – 528 с. [2 изд. – 1999; 3 изд. – 2010].

Дроснева Е. Стежки Історіографії в Болгарії

Це короткий варіант узагальнення ідей та спостережень автора за станом Історіографії в Болгарії та тенденціями її розвитку з 1762 р. й по теперішній час. Керуючись своїм розумінням сутності Історіографії, автор веде мову про дослідження, публікації, жанри, інституції, проблемах освіти, але, перш за все, про людей, які створювали цю науку.

Ключові слова: Болгарія, Історіографія, жанри, інституції, університет, Марія Велева

Drosneva E. Paths of Historiography in Bulgaria

This short version of author's ideas on the development of the History of History represents certain moments and trends since 1762 up to now in Bulgaria. Following her understandings on what Historiography means the author writes about studies, publications, genres, institutions, educational problems and people who have used to develop this science in her country.

Keywords: Bulgaria, Historiography, genres, institutions, University, Marija Veleva